

Стратегии кодирования предикативной посессивности в приуральском и казымском диалектах хантыйского языка¹

1. Введение

Посессивность является одной из ключевых категорий в языке. Структурное кодирование посессивных отношений в языках мира различается. Цель настоящей работы заключается в описании стратегий кодирования предикативной посессивности на основе анализа корпусов текстов на приуральском (обдорском) и казымском диалектах хантыйского языка. Анализ также позволил раскрыть функциональные особенности глагола *täjti/täjtä*.

Приуральский и казымский диалекты — представители северной группы континуума хантыйских диалектов (хантыйский язык принадлежит к обско-угорской подгруппе уральской языковой семьи). Современная языковая ситуация среди диалектных массивов хантыйского языка — западного массива, который распадается на северную и южную группы, и восточного массива различается. Из идиомов южной группы сейчас функционирует только один говор — усть-назымский (кышиковский) [Соловар, Нахрачева, Шиянова 2016: 8]. Диалекты западного и восточного массива подвержены процессу языкового сдвига. Более ярко этот процесс выражен у носителей восточных диалектов, в частности, васюганского и ваховского диалектов, которые перешли на доминирующий русский язык. Менее всего утратили родной язык представители северной группы и сургутского диалекта восточной группы хантыйского языка, хотя функции этнического языка постоянно сокращаются, ситуация двуязычия в сельских населённых пунктах и, прежде всего, в родовых угодьях и на стойбищах ещё сохраняется [Кошкарёва, Кашкин et al. 2017: 16]. Люди, живущие изолированно группами, состоящими из небольшого количества семей, имеют больше возможностей для сохранения этнического языка и культуры [Skríbník, Koskaryova 1996].

Приуральский (обдорский) диалект включает в себя два говора. Южнее Салехарда (п. Катравож, Пельвож) распространён усть-собский говор, севернее Салехарда говорят на усть-полуйском говоре (п. Аксарка, Харсаим) [Николаева 1995: 6–9]. Эти населённые пункты расположены в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. На территории Ямало-Ненецкого АО функционируют в основном шурышкарский и приуральский (обдорский) диалекты хантыйского языка. Традиционные занятия ямальских ханты — оленеводство, рыболовство, охота.

Казымский диалект также делится на два говора [Каксин 1989; Соловар, Нахрачева, Шиянова 2016: 10]. Верхнеказымский говор распространён восточнее города Белоярский (с. Казым, д. Юильск, Хуллор), усть-казымский говор распространён западнее города Белоярский (с. Полноват, д. Ванзеват, Тугианы). В целом территорией распространения казымского диалекта является бассейн реки Казым и прилегающие районы Оби в Белоярском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры Тюменской области. В современной литературе по уралистике идиом, распространённый в селе Теги, относится к говору казымского диалекта [Каксин 1989; 2007; Соловар, Нахрачева, Шиянова 2016: 12], однако в силу своего территориального распространения в Берёзовском районе Ханты-Мансийского АО — Югры (с. Теги), язык тегинских ханты ранее определялся как переходный диалект между казымским и шурышкарским [Николаева 1995: 6] или как говор березовского диалекта. Традиционные занятия хантов, проживающих на данной территории, те же — рыболовство, охота, оленеводство.

Для анализа предикативной посессивности на приуральском (обдорском) диалекте были отобраны двадцать разных по объёму хантыйских сказок и рассказов (общее количество предложений — 2001) из корпуса И. А. Николаевой [Nikolaeva 1999b], доступных на портале The Endangered Languages and Cultures of Siberia [TELCS 2018], и пять образцов текстов из «Диалектологического словаря хантыйского языка» (2011), записанные и расшифрованные А. А. Шияновой (157 предложений). Общий объём иссле-

¹ Сбор лингвистического материала выполнен при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014) в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур». Анализ материала выполнен при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 15-18-00044) в рамках проекта «Информационная система для описания малочисленных языков народов мира».

дуемого материала на приуральском диалекте составил **2158** предложений. Проанализированные сказки на усть-собском говоре из корпуса И. А. Николаевой, опубликованные в 1999 [Nikolaeva 1999b], были записаны в 1990 году в п. Катравож (информанты: Степан Кельчин, Ирина Сязи, Дмитрий Тобольчин, Анна Серасхова). Рассказы Ю. Н. Наковой (Сязи), опубликованные в [ДСХЯ 2011], собраны в 2008—2010 гг. в г. Салехарде. На усть-полуйском говоре в анализ вошли сказки и рассказ из корпуса Н. А. Николаевой [Nikolaeva 1999b], которые были записаны в 1993 г. в п. Харсаим и п. Аксарка (информанты: Людмила Нечаги, Анна Сибарева, Татьяна Ендырева, Анна Ёхма).

На казымском диалекте было проанализировано 32 текста (1999 предложений) из корпуса западно-хантыйских диалектов под ред. Е. В. Кашкина (2012—2014), доступных на портале Open Science Framework [OSF 2018]. Тексты в корпусе представляют собой глоссированные рассказы и сказки из учебников и художественной литературы [Ковган, Кошкарёва, Соловар 1995; Успенская 2002; Нёмысова, Рачинская 2002; Кошкарёва, Соловар 2007]. Также из корпуса западно-хантыйских диалектов был проанализирован один текст на тегинском говоре, общим объёмом в 826 предложений [Лапина 2011]. Кроме упомянутого выше корпуса, в анализ вошли 4 текста (198 предложений) из корпуса обско-угорских языков, доступного на сайте Мюнхенского университета имени Людвига Максимилиана (2009—2012) под ред. Е. К. Скрибник [LMUM 2018]. Корпус Мюнхенского университета на казымском диалекте представляет собой 23 текста, отобранные из печатных изданий К. Редеи (1968), Л. Р. Хомляк (2002), Т. А. Молданов (1997, 2001), В. Н. Соловар (1995). Общий объём проанализированного материала на казымском диалекте составил **2197** предложений и на тегинском говоре **826** предложений. В анализ также включены полевые записи речи на казымском диалекте, полученные в результате анкетирования носителя казымского диалекта И. М. Молдановой, преподавателя Ханты-Мансийского технолого-педагогического колледжа.

Языковой материал по ваховскому и васюганскому диалекту, представленный в исследовании, получен в результате полевой работы с носителями этих диалектов в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант Правительства России № 14.Y26.31.0014). Образцы примеров по васюганскому диалекту получены при работе с Шефер (Ангалина) Антониной Юрьевной, п. Новоюгино, по ваховскому — с Прасиной Еленой Григорьевной, п. Ларьяк и Сигильстовой Тамарой Ильиничной, п. Корлики. Материал на южном диалекте представлен из [Paasonen, Vértes 1980].

Всего было проанализировано **5181** предложение (**62 текста**) на двух исследуемых диалектах.

Статья структурирована следующим образом: во втором разделе будут представлены теоретико-методологические основы исследования, третий раздел посвящён описанию стратегий кодирования посессивности в исследуемых диалектах. В заключении будут сформулированы основные выводы.

Представление примеров устроено так: первая строка — название диалекта, из которого приведён пример (в скобках указано название текста и номер предложения в тексте), вторая — хантыйское предложение с разделением словоформ на морфемы, третья — глоссы (как представлено в соответствующем корпусе), четвёртая — перевод на английский язык, пятая — перевод на русский. Хантыйские примеры приведены в транскрипции, использованной в соответствующем корпусе.

2. Ключевые понятия

Посессивности и языковым средствам её выражения посвящено немало работ [Heine 1997; Payne, Barshi 1999; Koptjevskaia-Tamm 2001; 2002; 2003; 2006; Гращенков 2007; Stassen 2009; 2013 и др.]. Важным в теории посессивности является различие двух структурных типов посессивных конструкций — именной (адноминальной²) и предикативной конструкций. В настоящей статье рассмотрены только предикативные посессивные конструкции. В предикативных посессивных конструкциях только устанавливаются отношения обладания, например, как в предложении *У Петра есть книга*, а в именных — объект посессивности называется через его отношение к лицу или другому предмету, как в сочетании *книга Петра* [Kowalik 2016].

Предикативная посессивность описывалась в ряде финно-угорских языков в рамках исследовательского проекта «Типология категории посессивности на материале языков обско-енисейского ареала» в Томском государственном педагогическом университете, а также в отдельных работах отечественных и зарубежных лингвистов [Kangasmaa-Minn 1984; Wagner-Nagy 2011: 213—250; Полякова, Воробьева 2016; Kowalik 2016; Budzisch 2015; 2017; Vorobeva, Novitskaja et al. 2017; Vorobeva, Novitskaja 2018a, 2018b]. Однако данная работа ещё далека от завершения, поскольку пока охвачены не все языки и диа-

² См., например, [Koptjevskaia-Tamm 2001].

лекты обско-енисейского ареала. Посессивности в приуральском диалекте посвящён небольшой раздел в [Nikolaeva 1999a: 42], для казымского диалекта посессивные отношения описаны Н. Б. Кошкарёвой [Кошкарёва 2005], семантические свойства глагола обладания исследованы Н. В. Соловар [Соловар 2007; 2009]. Новизна нашей работы заключается в корпусном анализе и типологизации предикативных посессивных конструкций в приуральском (обдорском) и казымском диалектах в рамках функциональной теории грамматики.

Теоретическая и методологическая база настоящего исследования основывается на трудах Б. Хайне [Heine 1997], Л. Хонти [Honti 2006; 2008a; 2008b; 2013] и Л. Стассена [Stassen 2009], посвященных описанию стратегий выражения посессивности в языках мира. Согласно результатам типологических исследований, посессивность может трактоваться как «языковое выражение отношений между двумя сущностями — посессором и объектом посессивности, первый видится имеющим некоторые отношения со вторым, находящимся в непосредственной близости или под контролем первого. Между посессором и объектом посессивности могут существовать различные типы отношений, но эти отношения, как правило, выводятся из лексического значения посессора и объекта посессивности» [Милованова 2007: 96]. В межъязыковой перспективе посессивные отношения могут выражаться разноуровневыми языковыми средствами, набор которых для каждого языка индивидуален. В этой связи выявление сущностных характеристик языковой категории посессивности в различных диалектах хантыйского языка представляется достаточно перспективной задачей.

В обобщенном виде концептуальные свойства посессивности были описаны Б. Хайне [Heine 1997: 33—41]. Классификация концептуальных свойств посессивности включает в себя признаки обладателя (человек — не-человек), признаки обладаемого (одушевлённое — неодушевлённое) и характер отношений посессивности между ними (физический, временный, постоянный, абстрактный, неотчуждаемый/отчуждаемый и т. д.). Отчуждаемая посессивность определяется как «прототипический» или «канонический» случай посессивности [Taylor 1989; Heine 1997: 5]. Характер посессивных отношений (временный, абстрактный и т. д.) в языках может находить разные средства выражения. В английском языке идеи посессивных отношений выражаются транзитивной конструкцией с глаголом *to have*, ср. формы предложений с временным и с физическим характером посессивности: *I have your book, but I have it at home* [Kowalik 2016: 5]. В ряде теоретических подходов [Clark 1978; Taylor 1989] посессивность не получает самостоятельного статуса, а считается особой, дополнительной характеристикой пространственных (локативных) отношений или одним из видов этих отношений [Stassen 2009: 12]. Л. Стассен считает, что концептуальное составляющее посессивности не может сводиться только к локализации [Stassen 2009: 12], хотя неоспоримым аргументом в защиту этой теории является тот факт, что во многих неродственных языках имеет место формальное совпадение конструкций, используемых для выражения отношения обладания и выражения пространственного (локативного) значения. В монографии Л. Стассена приведено значительное количество примеров из неродственных языков с подобным «параллельным» кодированием локативных и посессивных отношений (см. примеры [Stassen 2009: 12—13]). В качестве иллюстрации приведём примеры из приуральского диалекта хантыйского языка, в которых семантика посессивных и локативных отношений кодируется конструкцией с местным падежом на наречии (1) или существительном (2).

(1) Приур. соб. (Лиса 141—142)

təmətta lɔj-ti wyl nɔχər jūχ lɔj-əl. lip-el-na χɔsap-ət
yesterday stand-IPFV.PTCP big cone tree stand-NPST.3SG.S inside-POSS.3SG-LOC hollow-PL
ul-li-j-əl pa sí ler taj-əl...
be-DER.1PFV-DER.FREQ-NPST.3SG.S and this root have-NPST.3SG.S

There used to be a big larch tree. **There are hollows and roots in trees like that.**

‘Вчера там большая лиственница стояла. **Внутри** таких лиственниц **бывають дупла** и у них есть корни’.

(2) Приур. соб. (Прекрасный ребёнок 44)

ur-na wɔj-ət χūl-ət sí ul-li-t-el.
forest-LOC animal-PL fish-PL FOC be-DER.1PFV-1PFV.PTCP-3PL
There are wild animals and fish in the forest.
‘В лесу есть дикие животные и рыба’.

Совпадение конструкций для кодирования локативных/бытийных и посессивных отношений не универсально. Так, например, в английском языке языковое выражение посессивных отношений пре-

имущественно нелокативное, и для кодирования посессивности используется транзитивная конструкция с глаголом *to have*.

В уральских языках нет глагола *habere*, унаследованного из языка-основы, поэтому можно сказать, что уральская Навео-конструкция по своему типу напоминает латинскую конструкцию *mihi liber est* ‘У меня есть книга’ [Honti 2008: 162]. Тем не менее конструкция типа *habeo librum* в обско-угорских языках используется чаще, чем конструкция с глаголом бытия [Honti 2008: 164].

В ряде работ было высказано мнение о том, что «пространственная сплочённость» участников отношений обладания — это не единственный важный параметр в определении понятия «посессивность» [Seiler 1983; Heine 1997; Baron, Herslund 2001; Stassen 2009]. Поскольку отношения между обладателем и обладаемым асимметричны, Л. Стассен [Stassen 2009] выделяет второй важный параметр — «контроль». Обладаемое всегда «контролируется» обладателем и, как следствие, обладатель, осуществляющий «контроль», является одушевлённым лицом [Stassen 2009: 15]. Неодушевлённые посессивные отношения Л. Стассен не рассматривает, так как в них «не вовлечён контроль обладателя над обладаемым» [Stassen 2009: 17], как, например, в предложениях с неодушевлённой отчуждаемой принадлежностью *That flower has a beetle on it* ‘На том цветке есть/имеется жук’ и с неодушевлённой неотчуждаемой принадлежностью *The flower has petals* ‘У цветка есть лепестки / Цветок имеет лепестки’. Тем не менее, Б. Хайне [Heine 1997: 36] классифицирует подобного рода отношения как посессивные на том основании, что во многих языках, включая английский, кодирование этих отношений формально идентично кодированию других случаев посессивности, ср. *The table has four legs* ‘У стола четыре ножки’ и *John has four cars* ‘У Джона четыре машины’.

Приведенные выше мнения позволяют заключить, что посессивные отношения между одушевленным обладателем и неодушевленным обладаемым, при которых обладатель «контролирует» обладаемое, представляют собой прототипический случай посессивности, как, например, в *The girl has a toy* ‘У девочки игрушка’. При этом конструкция, кодирующая прототипическую посессивность, может также применяться для языковой презентации отношений между неодушевленным обладателем и неодушевленным объектом обладания, в которых контролирующий статус обладателя не может быть установлен. Приведенные примеры с цветком (*That flower has a beetle on it* и *The flower has petals*) свидетельствуют о расширении функционального поля конструкции, т. е. охвате ею периферийных значений посессивности, например отношений между целым и частью.

В настоящей работе мы будем опираться на формальный критерий, развиваемый в [Heine 1997; Kortjevskaia-Tamm 2002; Kowalik 2016], и включать в анализ предложения с различным характером посессивных отношений: прототипическим и периферийным. К периферийной зоне мы относим посессивные отношения неотчуждаемой, временной, абстрактной, а также неодушевлённой семантики. Подобный подход позволяет зафиксировать все случаи использования анализируемой конструкции в периферийной зоне поля посессивности и типологизировать модели расширений. Для наглядности предлагаем сравнить примеры предложений с семантикой одушевлённого неотчуждаемого, абстрактного и неодушевлённого неотчуждаемого обладания из приуральского диалекта и тегинского говора:

(3) Приур. соб. (одушевленное неотчуждаемое обладание)

χən χuləm jik tāj-əl. (Три сына 1)

king three boy have-NPST.3SG.S

A tsar has three sons.

‘У царя три сына’.

(4) Каз. тег. (абстрактное обладание)

i məńś šiop-ije tāj-l-əm. (Сын Царевича: 800)

one fairytale piece-DIM иметь-NPST-1SG.S

I have a little fairy-tale.

‘У меня есть одна сказочка’.

(5) Приур. соб. (неодушевлённое неотчуждаемое обладание)

jina, law-əl, śi jīχ xōti ma art-l-lem, ...
right say-NPST.3SG.S this tree how 1SG investigate-NPST-PL.1SG.S

līw lip-el-na χōsap tāj-əl. (Лиса 145)

3SG inside-3SG-LOC hollow have-NPST.3SG.S

“Right,” he said. “I see this tree, it’s hollow on the inside.”

‘Хорошо, — он сказал. — Я вижу это дерево, оно дупло внутри имеет’.

В публикациях Л. Стассена выделяются четыре базовых структурных стратегии, используемых в языках мира для кодирования предикативной посессивности: локативная, комитативная, топик-стратегия и транзитивная стратегии [Stassen 2009: 48; Stassen 2013]. Другие учёные к четырём базовым добавляют ещё пятую — генитивную стратегию [Kowalik 2016: 9—10]. Л. Стассен считает, что в генитивной конструкции посессивность реализуется в форме атрибутивной синтагмы [Stassen 2009: 107], и этот фактор не позволяет её отнести к предикативным. Эта же конструкция, имеющая структуру (N — GEN — N или PP — N), определяется А. Е. Кибrikом [Кибrik 2000; 2003; Кибrik et al. 2006], как конструкция с внутренним посессором, и в целом часто называется посессивной [Кибrik et al. 2006: 16]. Из перечисленных выше стратегий в хантыйском языке реализуются две — локативная и транзитивная. Приведем далее с опорой на [Stassen 2009: 48] обзор локативной и транзитивной стратегий.

Локативная стратегия. Идея предикативной посессивности в этой стратегии выражается на базе локативного/бытийного предложения, содержащего непереходный глагол «быть» или «существовать». В некоторых языках, как, например, в исследуемом нами хантыйском языке, допускается нулевая форма бытийного глагола в настоящем времени или его выражение с помощью суффикса-предикатора (в восточных диалектах). Эта стратегия имеет три отличительные черты, во-первых, наличие или имплицитное присутствие экзистенциального предиката, во-вторых, посессор маркируется либо падежным суффиксом, либо предложной конструкцией, либо любым другим средством, которое есть в языке для выражения пространственного значения, в-третьих, обладаемое, являясь подлежащим предложения, согласуется с предикатом. Схематически эта конструкция может быть представлена так:

At/to PR³, (there) is/exists a PD⁴ [Stassen 2009: 50].

В качестве примера приведем предложение из восточного диалекта хантыйского языка:

(6) Bac. (Полевые записи 2017)

män-nä wäl-wäl   *äysäj-əm.*
1SG-LOC be-NPST.3SG.S mushroom-POSS.1SG
I have mushrooms.
'У меня есть грибы'.

Транзитивная стратегия. Предикативная стратегия с глаголом «иметь» определяется как переходная конструкция и по этому критерию противопоставляется локативной стратегии. Транзитивную стратегию можно определить по следующим характеристикам: во-первых, по наличию переходного глагола, во-вторых, по тому, что обладатель выступает подлежащим предложения, а обладаемое — прямым дополнением. Транзитивная стратегия может включать и другие переходные глаголы со значением «физического контроля или управления», такие как «получать, захватывать, брать» или «держать, хранить, находить». Схематически транзитивная стратегия представлена как:

PR has a PD [Stassen 2009: 63].

Проиллюстрируем реализацию данной стратегии примерами из восточного и южного идиомов хантыйского языка.

(7) Bax. (Полевые записи 2017)

ti qu qoləm äwi täja-wäl.
this man three daughter have-NPST.3SG.S
This man has three daughters.
'У этого мужчины три дочери'.

(8) Конд. (Старик щоң-хүш 1150)

män-pa kör täj-t-am.
1SG-PRTC leg have-NPST-1SG.S
I also have a leg.
'Я тоже ногу имею'.

Опираясь на приведенные описания структурных схем предикативной посессивности, представим и проанализируем все возможные конструкции кодирования посессивности в приуральском (обдорском) и казымском диалектах хантыйского языка.

³ PR — обладатель (от англ. possessor)

⁴ PD — обладаемое (от англ. possessed)

3. Стратегии кодирования предикативной посессивности в приуральском (обдорском) и казымском диалектах хантыйского языка

3.1. Транзитивная стратегия

Наиболее распространённой для кодирования предикативной посессивности в приуральском и казымском диалектах хантыйского языка следует считать транзитивную стратегию, которая базируется на переходном, двухвалентном глаголе приур. соб. *täjti*, пол. *täjti*, каз. *täjti* ‘иметь’, субъектом которого является обладатель, а прямым объектом – обладаемое. В текстовом корпусе на приуральском диалекте нами было выделено 97 примеров транзитивной предикативной конструкции из 2158 предложений, а в корпусе на казымском диалекте общим объёмом 2197 предложений — 69 примеров.

В транзитивной посессивной конструкции глагол *täjti/täjti* может морфологически оформляться любыми личными и неличными показателями глагола за исключением показателей объектного спряжения и пассивного залога. Указанное ограничение в использовании грамматических форм позволяет считать глагол обладания полуэтранзитивным глаголом [Милованова 2007; Stassen 2009], который представляет действие как состояние обладания предметом.

Представим транзитивную конструкцию схематически:

Модель 1. Транзитивная стратегия
(PR) — PD — *täj-/täj-*^{SPM}

Рассматриваемая стратегия используется в исследуемых диалектах для кодирования отчуждаемого, неотчуждаемого, абстрактного, физического/врёменного, неодушевлённого обладания.

Прежде всего, данная стратегия реализуется при кодировании прототипических случаев посессивности, т. е. для обозначения посессивных отношений между одушевлённым обладателем и неодушевлённым обладаемым. Пример 9 служит иллюстрацией такого прототипического случая — отчуждаемой посессивности.

(9) Каз. (Хуйтункистан: 7)

in ike-n əljałłak jaŋ laraś täj-ət.
this man-POSS.2SG also ten chest have -NPST.3SG.S
This **man** has ten **chests**.
'Он имеет также десять сундуков'.

Неотчуждаемая посессивность представлена в примере 10:

(10) Приур. соб. (Девушки катаются с горы 10)

хүрмөт сэм тай-л-аңын.
third eye иметь-NPST-3DU.S
They have the third eye.
'По третьему глазу имеют'.

Примеры 11—12 свидетельствуют о том, что рассматриваемая стратегия способна кодировать абстрактную и врёменную посессивность.

(11) Каз. (Орёл 208)

molti piš ki ənt täj-l-ən tätä śi joxət-l-aj-mən.
any cunning if NEG have-NPST-2SG.S here FOC come-NPST-PASS-1DU
If **you** do not **have any cunning**, he will catch up with us now.
'Если нет у тебя какой-нибудь хитрости, он сейчас нас догонит'.

(12) Приур. соб. (Лиса 64)

näŋ rupit-ť mýr täj-l-ən ki, kit-l-ən ki plɔtńik-ət
2SG [work]-IPFV.PTCP people have-NPST-2SG.S if send-NPST-2SG.S if [carpenter]-PL
sup-pi närəm-na wer-ť mɔs-l, law-əl.
piece-TRNS bridge-LOC make-IPFV.PTCP must-NPST.3SG.S say-NPST.3SG.S
If **you have workers**, if you send carpenters, a bridge must be built over the river.
'Если у тебя есть рабочие, если у тебя есть плотники, мост должен быть построен'.

В примере 13 проиллюстрировано кодирование неодушевлённой посессивности с помощью транзитивной стратегии:

(13) Каз. (Речной Земли Мужчина и Обской Земли Мужчина 96)

śi xoras-əp wōn nəxr-ət tāj-əl!
 this appearance-ADJ big pine-nut-PL have-NPST.3SG.S
 It has such big pine-nuts.

‘Этот (кедр) такие большие шишки имеет! ’

Далее рассмотрим особенности функционирования транзитивной стратегии в двух диалектах, к числу которых относятся: 1) вариантность структуры транзитивной посессивной конструкции и оформления глагола *tājīt*/*tājt* как её основного члена, 2) актантное окружение глагола *tājīt*/*tājt* в транзитивной посессивной конструкции.

3.1.1. Структурные варианты и формы глагола *tājīt*/*tājt* в транзитивной стратегии

В исследуемых диалектах транзитивная посессивная конструкция может реализовываться в своих структурных вариантах, различающихся по некоторым параметрам. Во-первых, в данной конструкции посессор может иметь имплицитное выражение, как представлено в примере 14:

(14) Каз. (Петли на зайцев 9)

śaj kawərt-s-əw, mōj lajəm tāj-l-əw, tut jūx sewər-s-əw.
 tea boil-PST-1PL.S what ax have-NPST-1PL.S fire wood hack-PST-1PL.S

We boiled tea, we have an ax, we hacked firewood.

‘Вскипятили чай, топор-то есть у нас, дров нарубили’.

Во-вторых, в рассматриваемой конструкции обычный порядок слов может быть изменен, например, SOV > SVO (см. пример 15) или SOV > OSV (см. пример 16):

(15) Каз. (Ловушки на зайца 12)

ma śirn xōs-kəm tāj-s-əm lis aj iki-l-am
 1SG then twenty-DER.APPRX have-PST-1SG.S loop small man-PL-POSS.1SG
iśi-kəm alpa tāj-s-ət.
 same-DER.APPRX probably have-PST-3PL.S

Then I had about twenty loops, the boys had about the same.

‘У меня было около двадцати ловушек, у мальчиков примерно столько же’.

(16) Каз. (Как ханты ходили к Казым-реке 41)

i s̄iart saran tāj-l-ət...
 one shaman zyrian have-NPST-3PL.S
 The Zyrians have a shaman...
 ‘У зырян есть шаман...’

В-третьих, индексация обладателя может осуществляться посредством посессивных маркеров на обладаемом, как в примере 17:

(17) Приур. соб (Лиса 25)

ma itta i pōtər tāj-l-əm, law-əl, tūta mūs tāχaj-na taś-əŋ wɔs
 1SG that one speech have-NPST-1SG.S say-NPST.3SG.S here cow place-LOC herd-ADJ.PRPR town
χuj u-l pa, ew-el tāj-əl.
 man be-NPST.3SG.S and girl-POSS.3SG have-NPST.3SG.S

“I have something to say” — the fox says. — “there is a rich town man, he has a daughter”.

‘У меня есть, что сказать», — говорит лиса. — «Здесь есть мужик из богатого города, у него есть дочь».

Следует отметить, что в исследуемых диалектах первый структурный вариант встречается чаще, чем остальные; более того, третий структурный вариант представлен только единственным примером.

Как отмечалось выше, в приуральском и казымском диалектах глагол *tājīt*/*tājt* в составе транзитивной посессивной конструкции (т. е. для выражения посессивной семантики) может быть оформлен личными и неличными формами глагола за исключением форм пассивного залога и объектного спряжения. Чаще всего глагол *tājīt*/*tājt* употребляется в форме субъектного спряжения непрошедшего или прошедшего времени изъявительного наклонения, что можно увидеть в примерах 9—17 выше. Тем не менее, глагол *tājīt*/*tājt* встречается и в формах других наклонений. Приведём примеры употребления глагола обладания в повелительном (пример 18) и в эвиденциальном (пример 19) наклонениях.

(18) Приур. соб. (Три сына 7)

1SG money NEG have-NPST-1SG.S and what matter
Then he said: "If you have money, **have money, I don't have money**, what's the matter?"
‘Затем он сказал: «Если **вы имеете деньги, имеите деньги, я не имею денег**, какая разница?»’

(19) Приур. соб. (Семь ножей 17–18)

and DET TING-POSS.SSG DET 3SG-ACC/DAT give-NP1-PASS.SG
The woman had a ring. She had a ring and gave him the ring.

The woman had a ring. She had a ring and gave him the ring.
‘У женщины есть, оказывается, кольцо. У женщины кольцо, оказывается, есть и это кольцо она даёт ему’.

Употребляясь в нефинитных формах, глагол *täjti*/*täjti* также передаёт посессивное значение. Для иллюстрации приведём примеры глагола *täjti*/*täjti* в форме причастия настоящего времени (пример 20) и деепричастия (пример 21).

(20) Каз. (Охотник без ружья 16)

(21) Приур. соб. (Лиса 90)

It's true, **you had so** much and only a few kopeks remained.
‘Правда, ведь **ты** **столько имел**, и только несколько копеек осталось’.

3.1.2. Актантное окружение глагола в транзитивной стратегии

Выше было сказано о том, что валентность глагола *täjti/täjti* в транзитивной посессивной стратегии предполагает наличие обладателя и обладаемого. Рассмотрим возможные варианты выражения обладателя и обладаемого.

В большинстве случаев обладатель является одушевлённым лицом, обозначенным личным местоимением (пример 22) или именем собственным (пример 23).

(22) Приур. соб. (Семь ножей 45)

m̥yj lapət kesi t̥aj-l-əw.
1PL seven knife have-NPST-1PL.S
We have seven knives.
‘У нас есть семь ножей (Мы се-

(23) Приур. соб. (Пор-Нэ и Мош-Нэ 4)

В качестве обладателя может также выступать неодушевлённый объект, обозначенный как именем собственным (например, названием посёлка), так и нарицательным. В примере 24 обладатель выражен нарицательным именем.

(24) Приур. соб. (Девушки катаются с горы 6)

Щи ведләсда-ты хом naïк пайарт-ем элты вер-ман
this hunt-IPFV-PTCP house larch.tree log-PL of make-CVB

uŋ-ŋ-a, iščiu tāj-əl....
 be-NPST-PASS.3SG window have-NPST.3SG.S
 This **house** of the hunter is made of larch, **there are windows...**
 ‘Этот **дом** охотника сделан из лиственницы, **окна есть...**’

В свою очередь, обладаемое может быть любой сущностью — неодушевлённой, одушевлённой, абстрактной, неотчуждаемой. Неодушевлённым обладаемым может быть любой объект окружающего мира, являясь собственностью обладателя, как в примере 25, или принадлежать ему временно, как в примере 26.

(25) Приур. пол. (Вайнин 21)

*siti laj-əl, māsa pāraj-na or ewālt kāt jaχ et-s-əŋən, it-l
 so stand-NPST.3SG.S what time-LOC forest from two man come:forth-PST-3DU one-POSS.3SG
 nāwi tāj-ti-t tāj-əl, it-l puti tāj-ti-t tāj-əl.
 white have-IPFV.PTCP-NMLZ have-NPST.3SG.S one-3SG black have-IPFV.PTCP-NMLZ have-NPST.S
 At that time two men came out of the forest, **one dressed in white clothes, the other dressed in black clothes.**
 ‘В это время два мужчины появились из леса, **один одет в белое** (досл. **белое одетое имеет**), **другой — в чёрное**’.*

(26) Приур. пол. (Вайнин 45)

*ăkkul jukanni pā tamətta ăkkul tāj-əs, kālaj ăkkul, a tam χātl pā pārta
 rope instead and yesterday **rope** have-PST.3SG.S reindeer rope [but] this day and back
 juw-m-al-na pā mălli pam wer-ti măla kul-na wer-əm pā ſi
 come-PFV.PTCP-3SG-LOC and forever grass make-IPFV.PTCP what rope-LOC make-PFV.PTCP and this
 miw waj-l-al jirs-əl-əm-al ol-l-ət.
 land animal-PL-POSS.3SG tie-DER.IMPF-PFV.PTCP-3SG be-NPST-3PL.S
 Yesterday **she had a rope**; coming back today she made a rope of hay and tied the mice.
 ‘Вчера у неё **была верёвка**, возвращаясь сегодня, она сделала верёвку из травы и связала мышей’.*

Одушевлённым обладаемым может быть любой живой объект действительности. В приведённых примерах обладаемым выступает работник (пример 27), друг (пример 28), родственник (пример 29).

(27) Приур. соб. (Три сына 3)

*χən tāj-əl rupit-ti jik, rupit-ti jik, lel-əm-ti jik tāj-əl.
 king have-NPST.3SG work-IPFV.PTCP boy work-IPFV.PTCP boy sit-VBLZ.INCH-IPFV.PTCP boy have-NPST.3SG.S
 The tsar has a young **man** who works, he **has the boy** who works sitting.
 ‘Царь имеет работающего **мальчика**, работающего **мальчика он сидящим имеет**’.*

(28) Приур. соб. (Лиса 6)

*ut'ša ul-ti χət-na, wan u-s χūw u-s,
 alone be-IPFV.PTCP house-LOC short be-PST.3SG long be-PST.3SG.S
 nōməs-n jōχət-l-a: “ma jina pa luχəs tāj-s-əm katra.
 mind-LOC arrive-NPST-PASS 1SG right and friend have-PST-1SG.S before
 He lived alone at home for a long or a short time and thought: “Once **I had a friend**”.
 ‘Долго ли, коротко ли он жил и думал: «Раньше у **меня был друг**»’.*

(29) Каз. (Полевые записи 2017)

*jaj-em nāwrem tāj-əl.
 brother-POSS.1SG child have-NPST.3G.S
 My brother **has a child**.
 ‘У моего брата есть **ребенок**’.*

Неотчуждаемым обладаемым, как правило, выступают части тела или партитивные части целого. В примере 30 обладаемое является частью тела животного:

(30) Каз. (Полевые записи 2018)

*amp-ən yāl kōr tāj-əl.
 dog-POSS.2SG four leg have-NPST.3SG.S
 A **dog has four legs**.
 ‘У собаки **четыре ноги**’.*

Обладаемое может быть выражено абстрактной сущностью, как в примерах 31—32:

(31) Приур. соб. (Лиса 31)

pa kas ḥōti mōla itta tāj-l-əm.
and desire how what DET have-NPST-1SG.S
I have a wish.
‘У меня есть желание’.

(32) Приур. соб. (Лиса 135)

i wer ittam ma tāj-l-əm pāltap jasəŋ.
one thing DET 1SG have-NPST-1SG.S afraid speech
There’s only one thing, a horrible thing to tell.
‘У меня ужасная новость’.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что в проанализированном корпусе текстов на приуральском и казымском диалектах хантыйского языка транзитивная стратегия является приоритетной. Структура транзитивной предикативной конструкции в этих диалектах соответствует всем критериям транзитивной стратегии кодирования посессивных отношений в языках. Транзитивная конструкция реализуется при кодировании всех концептуальных составляющих посессивности, включая неодушевлённую посессивность. Основой конструкции служит глагол *tājī/tājīt*, который может быть оформлен личными и неличными показателями глагола за исключением форм пассивного залога и объектного спряжения. Актантное окружение глагола *tājī/tājīt* предполагает наличие обладателя и обладаемого, которые могут обозначать любую сущность окружающего мира.

Далее рассмотрим непосессивные значения глагола *tājī/tājīt*, которые реализуются вне транзитивной конструкции.

3.1.3. Семантический потенциал глагола *tājī/tājīt* в категориальных формах, отличных от объектного спряжения и пассивного залога

В исследуемых диалектах глагол *tājī/tājīt* в формах субъектного спряжения непрошедшего или прошедшего времени изъявительного, условного, повелительного или эвиденциального наклонений может реализовывать значения, отличные от посессивного [DEWOS 1966—1993: 1399—1400; XPC 2006: 261—262; Соловар 2009: 88—91; ДСХЯ 2011: 124—125]. Как правило, непосессивная семантика глагола *tājī/tājīt* проявляется в тех случаях, когда глагол комбинируется с объектом, имеющим определенный референциальный статус, с послелогом или обстоятельством места.

Одно из значений, которое актуализируется у глагола *tājī/tājīt*, маркированного суффиксами субъектного спряжения, это значение ‘держать, хранить’. Идея хранения чего-либо передаётся, когда в окружении глагола *tājī/tājīt* наличествует объект и обстоятельство места, индексирующее местоположение объекта. Для иллюстрации приведём пример 33.

(33) Каз. (Мальчик с той стороны, где солнце восходит, и девочка с той стороны, где солнце садится 43)

toxelt pel-a ḥŋkərt-əs sawne nōl-əl-ən molti wurti pəxša-ije tāj-əl.
thither to-DAT take.a.look-PST.3SG magpie beak-3SG-LOC something red big.thing-DIM have-NPST.3SG.S

He looked there: **a magpie holds something red in his beak.**

‘Он посмотрел туда: **сорока держит в клюве что-то красное**’.

Передавая значение ‘рожать’ или ‘воспитывать’, глагол *tājī/tājīt* употребляется с именами, обозначающими родственников или потомство, например, *ewi* ‘дочь’, *rōx* ‘сын’, *ńawrəm* ‘ребёнок’, *rōšəx* ‘детёныш, птенец’. В примере 34 проиллюстрирована реализация значения рожать с помощью глагола *tājī/tājīt*.

(34) Приур. соб. (Лиса 7)

i küt ewəlt jəx ńawrem tāj-l-əyən.
one interval from boy child have-NPST-2DU.S
One day they’ll give birth to a son.
‘После у них **родится мальчик**’.

Глагол *tājī/tājīt* в примере 35 передаёт значение ‘воспитывать’.

(35) Каз. (Полевые записи 2018)

nāj ew-en ki tāj-s-ən, lūw lōlən jām ḥānneχōd-ja ji-s.
2SG daughter-POSS.2SG if have-PST-2SG.S 3SG PRTC good person-DAT become-PST.3SG.S
If you **had brought your daughter up**, she would have grown a good person.
‘Если бы ты **воспитывала дочь**, то она бы выросла хорошим человеком’.

В примере 36 глагол обладания используется в значении ‘рожать’. В этом примере глагол *täjti* употребляется в форме эвиденциального наклонения.

(36) Каз. (полевые записи 2018)

pöχ täj-m-äλ.

son have-PFV.PTCP-3SG

It turns out that **she gave birth to a son.**

‘Оказывается, она **родила сына**’.

Семантика, передаваемая глаголом *täjti/täjti*, может зависеть от имён с абстрактным значением, с которыми он образует единую фразовую единицу. Как следует из примера 37, словосочетание *öš* ‘ум’ + *täjti/täjti* имеет значение ‘понимать’:

(37) Каз. (Полевые записи 2018)

naŋ töj isa öš an täj-l-ən?
2SG what always mind NEG have-NPST.2SG.S

Don't you understand it?

‘Ты что же не **понимаешь** что ли?’

С помощью словосочетания *wer* ‘дело’ + *täjti/täjti* в примере 38 передаётся значение ‘привыкать что-либо делать’:

(38) Приур. соб. (Сказка-быль о человеке, который ждал гостей допоздна 51)

Щитəнна ىци таңха амоса лодм-ем-əм веp тай-əс
therefore DET probably may steal-PFV.PTCP-1SG thing have-PST.3SG.S

na майсаң мода na атəм веp-л-аl тай-əс na нумас-əд
and maybe what other bad case-PL-POSS.3SG have-PST.3SG.S and think-NPST.3SG.S

щит-қəн ахалыца йохтаңы-əм нəңхə-қəн.

DEM-DU where.from arrive-PFV.PTCP man-DU

Therefore, probably, **he got used to stealing** and maybe **had** other bad **habits**, he was thinking of where these two people came from.

‘Поэтому, наверное, за ним действительно **воровство было** или другие плохие **привычки**, думает, откуда приехали эти двое людей’.

Сочетание слов *noməs* ‘мысль’ + *täjti/täjti* передаёт значение ‘думать’:

(39) Каз. (Речной Земли Мужчина и Обской Земли Мужчина 39)

pupi-j-n nölt-l-əmн näj isimort män-əm tɔlm-əm-a si noməs täj-l-ən
bear-EP-LOC bet-NPST-1DU 2SG anyway 1SG-POSS.1SG steal-PFV.PTCP-DAT FOC **thought** have-NPST-2SG.S

We put a bear at stake: probably you still **think** that I have stolen it!?

‘Медведем поклянемся: ты, наверное, все равно **думаешь**, что я украл?!’

Сочетание слов *wüs* ‘hole’ + *(än) täjti/täjti* передаёт значение ‘быть неспособным делать что-либо’.

(40) Каз. (Женщина с детьми, оставленная в пустом стойбище 85)

in nawrem-ət, want-ti, än nöm-ti nawrem-ət

now child-PL look-IMP.2PL NEG remember-IPFV.PART **child-PL**

moj potərt-ti wüs täj-l-ət.

what say-IPFV.PTCP **hole** **иметь-NPST-3PL.3SG**

And children in fact, you see, are at the age of remembering nothing and they **cannot** speak.

‘А дети ведь, видишь, ещё в возрасте ничего не помнивших детей и говорить **не могут** (букв.: какую дырку говорить имеют)’.

Глагол *täjti/täjti* в комбинации с *wer* ‘дело’ и послелогом *χoša* ‘к’ или *keš* ‘для’ + *wer* ‘дело’ + *täjti/täjti* — помогает передать значение ‘вести дело с кем-либо’.

(41) Каз. (Находчивый слуга 8)

ma luw keš-el-a i wer täj-l-əm.

1SG 3SG for-3SG-DAT one **affair** have-NPST-1SG.S

I **have a matter** to discuss with him.

‘У меня к нему дело’.

3.1.4. Семантический потенциал глагола *täjti/täjti*
в формах объектного спряжения и пассивного залога

В двух исследуемых диалектах глагол *täjti/täjti* может принимать формы объектного спряжения и пассивного залога. Для сравнения, в «восточнохантыйском полутранзитивный глагол *täjti* форму пассивного залога не образует» [Фильченко, Потанина 2016: 66]. В формах объектного спряжения и пассивного залога глагол *täjti/täjti* выражает только непосessивные значения [ХРС 2006; Соловар 2009], при этом он функционально связан с объектом определённой семантики, обстоятельством места или с другим смысловым глаголом в неличной форме.

Чаще всего глагол *täjti/täjti*, маркированный суффиксами объектного спряжения и пассивного залога, употребляется в значении ‘держать, хранить, относиться’. В значении ‘держать’ он употребляется в сочетании с одушевлёнными и неодушевлёнными объектами окружающего мира, в значении ‘хранить, находиться’ — только с неодушевлёнными, а в значении ‘относиться’ — с одушевлёнными. Как правило, экспликация данной семантики предполагает наличие элемента, обозначающего обстоятельство места. В примере 41 глагол *täjti/täjti* в форме пассивного залога передаёт значение ‘относиться к кому-либо’.

(42) Каз. (Об олене 5)

ma kōša-j-əm-n atm-a täj-l-aj-əm.
1SG owner-EP-1SG-LOC bad-ADV have-NPST-PASS-1SG

The owner treats (keeps) me badly.

‘Мой хозяин **ко мне** плохо **относится**’.

В следующем примере с помощью глагола *täjti/täjti* в форме объектного спряжения реализуется значение ‘находиться где-либо’.

(43) Каз. (Речной Земли Мужчина и Обской Земли Мужчина 46)

in nōxəs soxəl luw täj-l-əllə met luw ələm-s-əllə.
this sable skin 3SG have-NPST-3SG.S:SG.O right 3SG steal-PST-3SG.S.:SG.O
This sable **skin is located at his place**, he stole it.
‘Эта соболиная **шкура находится у него**, он украл её’.

В следующем примере (44) анализируемый глагол передает значение ‘использовать что-то в каком-то качестве’.

(44) Приур. пол. (Вайнин)

i niŋ-ij-en χat-na män-l pär-niŋ-ij-en χat-na, pär-niŋ-ij-en
one woman-DIM-POSS.2SG house-LOC go-NPST.3SG.S Por-woman-DIM-POSS.2SG house-LOC Por-woman-DIM-2SG
put kāwər-l ki, i niŋ-əl jas put ruwət-ti i niŋ-əl
pot cook-NPST.3SG if one woman-POSS.3SG arm pot boil-IPFV.PTCP one woman-POSS.3SG
jas täj-l-əlli.
arm have-NPST-3SG.S: 3SG.O

But the other woman was walking around the house, the Por woman was walking around the house, when the kettle boiled, she stirred the pot with her friend’s hand, she **used her friend’s hand**.

‘Одна женщина ходит у дома, Пор-Нэ ходит у дома, когда горшок закипит, она помешивает горшок рукой одной женщины, руку женщины **использует**’.

Для передачи значения ‘принимать кого-либо в качестве’ глагол *täjti/täjti* сочетается с объектом в форме дательного падежа:

(45) Каз. тег. (Сын Царевича 46)

pa jastə-l-ət ne ki apši-j-a täj-l-ew
and say-NPST-3PL woman if younger.sister-EP-DAT have-NPST-1PL.S:SG.O
xuo ki pa apši-j-a täj-l-ew.
man if PRTC younger.brother-EP-DAT have-NPST-1PL.S:SG.O

If you are a woman, say, they’ll **take you for a younger sister**, if you’re a man, we’ll **take you for a younger brother**.

‘Если ты, — говорят, — женщина, мы тебя **за сестрёнку примем**, если ты мужчина, **за братишку примем**’.

В комбинации с объектами, обозначающими одежду и обувь, глагол *täjti/täjti* передаёт значение ‘носить’. Для выражения этого значения глагол *täjti/täjti* в примере 46 маркирован суффиксом объектного спряжения, в примере 47 — суффиксом пассивного залога.

(46) Каз. (Три мудрых слова 30)

mōj wer-ti lop-əs kōša-j-əl tōp nāj
what do-IPFV.PART say-PST.3SG.S owner-EP-POSS.3SG just 2SG

sərek-ŋəl-an səra tāj-s-ałən.
boot-DU-POSS.2SG quickly have-PST-2SG.S:DU/PL.O

What to do, the owner said, your **boots** quickly **wore out**.

‘Что делать, — сказал хозяин, — но ты сапоги быстро **износил**’.

(47) Каз. (Три мудрых слова 14)

nōtəs-əl ja sərek mōj xuw tāj-l-a.
think-NPST PRTC **boot** what long have-NPST-PASS.3SG

He thinks if it is long to have **boots worn out**.

‘Думает: «Сапоги долго ли **износить**’.

Семантика глагола *täjti/täjti* зависит от абстрактного объекта, с которым он сочетается, образуя семантически слитное сочетание.

(48) Приур. соб (Три сына 10)

wan mān-l-ət, xūw mān-l-ət, sīkən̄sā itta wəs
short go-NPST-3PL long go-NPST-3PL DET that town

mōsa xuj, kur mōsa xuj nāx-xi tāj-l-a xən jik-ət-na.
what man village what man laughter-TRNS have-NPST-PASS.3SG king boy-PL-LOC

They go for a long or a short time, **the tsar's sons make fun of the town person**, of the village person.

‘Долго ли коротко они идут, **царские сыновья смеются** над человеком города, **человеком деревни**’.

Наблюдение над материалом двух диалектов показало, что глагол *täjti/täjti* в формах объектного спряжения и пассивного залога встречается в сочетании с другим смысловым глаголом в форме деепричастия с суффиксом *-tan*. Данное сочетание представляет собой аналитическую конструкцию, поскольку её члены всегда расположены контактно в строгом порядке. Аналитическая конструкция с глаголом обладания может быть представлена в виде схемы:

Модель 2. Аналитическая конструкция с глаголом обладания
V-man^{CVB} — (ən/ən) — tāj-/tāj-^{O./PASS.PM}

Сообщаемое конструкцией значение зависит от глагола в нефинитной форме, при этом глагол обладания как бы сохраняет свою возможную семантику ‘держать’. Анализ подобных примеров позволяет высказать предположение о том, что глагол обладания вовлечен в процесс грамматикализации и выступает в составе такой конструкции в качестве вспомогательного элемента.

Следующие примеры иллюстрируют аналитическую конструкцию с глаголом обладания в форме объектного спряжения (49—53):

(49) Приур. соб. (Семь ножей 29)

tōx̄i lāj-em-əl sīkən̄sā, wan-man tāj-l-əlli pa ātti jew-el
to:there enter-VBLZ.INCH-NPST.3SG DET see-CVB have-NPST-3SG.S:SG.O and DET sister-POSS.3SG

lūjət xət xār kūtəp-na xuj-əl, tām xāl̄sa lūw jōxt-əs?
ring house floor middle-LOC lie-NPST.3SG.S DEM from:where 3SG arrive-PST.3SG.S

He went out, **looked** — his sister's ring was lying in the middle of the floor, where did it come from?

‘Он вышел, **посмотрел** (досл.: смотря держит-его-он) — кольцо сестры лежало посреди пола, откуда оно взялось?’

(50) Приур. соб. (Пор-Нэ и Мош-Нэ 64)

mōs-niŋ-iji luŋxəl nāwrem-əl, kūwləŋ nāwrem-l il jōwər-man tāj-l-əlli.
Mos-woman bell child-POSS.3SG bell child-POSS.3SG down wrap-CVB have-NPST-S.3SG:O.SG

Moshch-woman keeps her baby with little bells, **keeps the baby wrapped up** with little bells.

‘Мош-Нэ **держит** своего ребёнка **завёрнутым** с колокольчиком (досл.: завернувши держит-его-она)’.

(51) Каз. (Младшая дочь солнца 56)

sām-əl jāx-t-əl-ən joxi xāj-man tāj-l-əlle.
 heart-POSS.3SG go-IPFV.PTCP-3SG-LOC home leave-CVB have-NPST-3SG.S:SG.O

When he goes away, he **leaves** his heart at home.

‘Когда он уезжает, сердце свое дома **оставляет** (досл.: дома оставя держит-его-он)’.

(52) Каз. (Полевые записи 2018)

śi mojl-əps-əm śawi-man tāj-l-əm.
 this gift-NMLZ-POSS.1SG keep-CVB have-NPST-1SG.S:SG.O

I **keep** my gift **wrapped up**.

‘Я **храню** этот мой подарок **завёрнутым** (досл.: сохраняя подарок держу)’.

(53) Каз. (Полевые записи 2018)

kōr juwər-tī sux-γəl-am taka juwər-t-man tāj-l-əlam.
 foot wrap-IPFV.PTCP cloth-DU-POSS.1SG tight wrap-CVB have-NPST-1SG.S:PL.O
 I always **wear** footcloths.

‘Портянки (досл.: ноги завязывать ткань) постоянно **ношу** (досл.: крепко завернувши держу)’.

Аналитическая конструкция с глаголом *tājīt*/*tājtī* может быть разорвана клитикой или частицей, как в примере 54.

(54) Каз. (Полевые записи 2018)

śi awka-j-əm isa want-ijəl-man śi tāj-l-əm.
 this tamed.deer-EP-POSS.1SGG always **watch**-IPFV-CVB PRTC have-NPST-1SG.S:SG.O

I **keep an eye** on this tamed deer.

‘За этим ручным оленем **слежу** (досл.: под присмотром держу)’.

Примеры 55—56 демонстрируют, что в анализируемой аналитической конструкции с глаголом *tājīt*/*tājtī* отрицательная частица *än* занимает промежуточное положение между членами конструкции.

(55) Каз. (Полевые записи 2018)

nāj wōnt-ən jāyx-tī mār-ən-ən xot-ən want-man än tāj-l-əm.
 2SG woods-LOC walk-IPFV.PTCP time-POSS.2SG-LOC house-POSS.2SG **watch**-CVB NEG have-NPST-1SG.S:SG.O

While you’re walking in the woods, I do not keep an eye on your house.

‘Пока ты в лесу ходишь, я твой дом **не сторожу** (досл.: смотря не держу)’.

(56) Каз. (Полевые записи: 2018)

nāj purmas-l-an īupas-ən śawi-man än tāj-l-əllam.
 2SG thing-PL-POSS.2SG shed-LOC keep-CVB NEG have-NPST-1SG.S:PL.O

I don’t **store** your things in the shed.

‘Твои вещи в лабазе **не храню** (досл.: храня не держу)’.

Как известно, хантыйские нефинитные формы не имеют морфологической категории залога [ДСХЯ 2011: 180]. Тем не менее, глагол в форме деепричастия в составе аналитической конструкции с глаголом обладания участвует в выражении пассивной семантики. Так, в примерах 57—59 глагол *tājīt*/*tājtī* в составе аналитической конструкции использован в форме пассивного залога.

(57) Приур. соб. (Лиса 103)

“*tām xōj taś, iśm-əs-li, neyx-et sawi-man tāj-l-a, xōj taś?*”
 this who herd ask-PST-SG.3SG.S person-PL **guard**-CVB have-NPST-PASS who herd

“Whose herd is this?” he asked the people **guarding** the herd, “whose herd?”

‘«Чьё это стадо?» — спросил он людей, **охранявших** скот. — «Чьё стадо?»’.

(58) Приур. соб. (Лиса 162).

“*pa nāj, law-əl, śiməs pōrməs tāj-l-ən ki, ātti mūj xōtaś, law-l, tāta*
 and 2SG say-NPST.3SG.S such means have-NPST-2SG.S if DET 1PL how say-NPST.3SG.S here
sawi-man tāj-l-aj-mən nāj jāx-t-an ewəlt.”

guard-CVB have-NPST-PASS-1DU 2SG walk-IPFV.PTCP-2SG from

“If you have the means, we would really **be saved** when you came.”

‘Если бы у тебя были средства, мы были бы **спасены**, когда ты придёшь’.

(59) Теги (Сын Царевича 7)

ruš’ime-l-ən   *ewi-leŋki*   *ši kem*   *ši lik-ən*
 Russian woman-3SG-LOC daughter-DIM FOC image FOC dislike-LOC
et-man   *täj-l-a*   *wolli.*
 come.out-CVB have-NPST-PASS.3SG completely
 His Russian wife disliked her daughter so much.

‘Русская жена до того его дочку **незлюбила** (досл.: злость вышедшую хранит)’.

Обобщая вышесказанное можно утверждать, что глагол *täjč/täjč* обладает значительным семантическим потенциалом, который реализуется во всех категориальных формах глагола. Непосессивные значения глагола *täjč/täjč*, как правило, зависят от объекта, на которое направлено действие глагола, или от другого смыслового глагола, с которым *täjč/täjč* образует аналитическую конструкцию. Чаще других глагол *täjč/täjč* передаёт значение ‘хранить, держать’, при этом глагол может принимать формы как субъектного и объектного спряжения, так и формы пассивного залога.

Согласно словарю В. Штейница [DEWOS 1966—1993: 1399] посессивное значение у глагола вах., вас. *täjč-*, сург., конд., шер., каз., шур., приур. *täj-/täj-* исконное, оно представлено во всех диалектах хантыйского языка. Тонкая этимология глагола до настоящего времени не установлена. Значение ‘хранить, держать’ в XIX веке было свойственно больше восточным диалектам наряду со значением ‘иметь’. В общем и целом, в XIX веке богатый семантический потенциал глагола наблюдается во всех диалектах. С помощью глагола передавались такие значения, как ‘носить одежду, рожать, давать имя, смотреть, бречь’ и др. В настоящее время западные диалекты больше сохранили эту архаичную картину, тогда как в восточных диалектах произошло сужение семантического потенциала глагола. Например, в ваховском диалекте хантыйского языка глагол *täjata* помимо значений ‘хранить’ и ‘держать’ передаёт только значения ‘рожать’ и ‘носить одежду’, сочетаясь с объектами определённого референциального статуса, например:

(60) Вах. (Полевые записи 2018)

lüy päyä-li   *täjä-s.*
 3SG boy-DIM have-PST.3SG
 She gave birth to a boy.
 ‘Она родила мальчика’.

В васюганском диалекте хантыйского языка, согласно словарю М. К. Могутаева [Могутаев 1996: 271], глагол *täjata* утратил все значения за исключением ‘иметь’ и ‘держать’.

(61) Вах. (Полевые записи 2017)

räč täjä-yal   *loy-ət.*
 old.man hold-PST.3SG horse-PL
 An old man kept/had horses.
 ‘Старик держит лошадей’.

В дальнейших публикациях планируется представить исследования на тему эволюции значений глагола вах., вас. *täjata*, шер., каз., шур., приур. *täjč/täjč* в восточных и северных диалектах хантыйского языка.

3.2. Нетранзитивная стратегия

Вопрос о наличии нетранзитивной стратегии для выражения посессивности в приуральском (обдорском) и казымском диалектах хантыйского языка ещё не получил окончательного решения. Рассмотрим следующий пример:

(62) Приур. пол. (Ку-ку 1—2)

o-s   *imi*   *ńil*   *jik-əl*   *o-s.*
 be-PST.3SG woman four boy-POSS.3SG be-PST.3SG.S
 There lived a woman. She had four sons.
 ‘Жила женщина. У неё было четыре сына’.

В данном предложении используется конструкция с двуосновным экзистенциональным глаголом приур. пол. *ołta* ‘быть/жить’. Нетранзитивная конструкция с глаголом приур.соб. *ułtč*, пол. *ołta*, каз. *wolli* ‘быть’ [DEWOS 1966—1993: 1577] может использоваться для выражения различной семантики, в том числе и посессивной. В этой связи, интерпретация примера 61 может быть двоякой. С одной стороны, смысл высказывания может быть проинтерпретирован как указание на то, что женщина имела (т. е. об-

ладала) четырех сыновей. С другой стороны, в данном примере актуализированным, возможно, оказывается значение ‘жить’, ‘быть в наличии’, ‘находиться’, ср. букв. ‘Была женщина. Четыре сына было’. Рассмотрим подобные примеры в пункте 3.2.1. подробнее.

3.2.1. Адноминальная посессивная конструкция

В своей монографии Л. Стассен [Stassen 2009] определяет подобную структуру с глаголом бытования как адноминальную посессивную конструкцию и не относит к четырём базовым стратегиям кодирования посессивной семантики. Его аргумент состоит в том, что в адноминальной посессивной конструкции посессивность выражается не структурой предложения, а посессивным суффиксом на обладаемом в именной части [Stassen 2009]. Следовательно, можно предположить, что в подобной конструкции утверждается наличие/существование посессивности, выраженной в именной фразе.

Схематически нетранзитивную адноминальную посессивную конструкцию можно представить следующим образом:

Модель 3. Нетранзитивная адноминальная конструкция
(PR) — PD^{POSS} — *u(l)-/o(l)-/wō(l)-*^{S.PM}

По форме эта конструкция близка к топик-стратегии, в которой ни обладатель, ни обладаемое не маркируется ни одним из косвенных падежей, а обладаемое выступает в роли подлежащего в предложении. В топик-стратегии не допускается нулевое выражение обладателя, т. к. он и есть топик, исходная часть предложения, отвечающая названию стратегии. Однако выявленные примеры в приуральском и казымском диалектах показывают, что обладатель, как правило, выражается имплицитно посредством индексации суффиксами посессивности на обладаемом, что позволяет идентифицировать обладателя из дискурса.

Данная конструкция в исследуемых диалектах определяется двумя признаками: 1) маркированием обладаемого посессивными суффиксами, 2) наличием структуры экзистенционального/локативного предложения. Описываемая конструкция основывается на предложениях с экзистенциональной и/или пространственной семантикой.

Будет справедливым отметить, что частотность употребления данной конструкции в проанализированном текстовом корпусе хантыйских диалектов ничтожно мала и составляет 12 случаев на 2158 предложений в приуральском диалекте (т. е. 0,6%) и 6 случаев на 3023 предложения (т. е. 0,2%) в казымском диалекте. В приуральском диалекте рассматриваемая нетранзитивная конструкция встречается чаще в текстах на усть-полуйском говоре. Общее ограниченное количество примеров с рассматриваемой конструкцией позволяет обратить на них более пристальное внимание, поэтому приведем их в большем количестве.

В примере 63 речь идёт о домах, которые субъекты имеют в своей собственности:

(63) Приур. пол. (Вайнин 35)

χat-l-əmən   ol-l-ət   änti, jōχi,   lāw-əl,   ät   jäχ-l-əmən.
house-PL-POSS.1DU be-NPST-3PL.S DET homewards say-NPST.3SG.S PRTC walk-NPST-1DU.S

We have homes, let's go home.

‘У нас есть дома, давай домой пойдём’.

Вполне возможно, что акцент в данном высказывании делается не на обладании этими домами, а на том, что их собственные дома действительно существуют. В то же время в конструкции маркировано и посессивное отношение: на него указывает показатель POSS.1SG на существительном ‘дом’. Следуя предложенной логике, в примерах 64 и 65 смысл должен быть передан как ‘Возможно, их деды существуют’ и ‘Старик домой вернулся, а жена его живет вместе с его сыном’. При этом посессивный показатель на существительных ‘деды’ и ‘жена’ указывает на наличие посессивных отношений.

(64) Каз. (Женщина с детьми, оставленная в пустом стойбище 9)

məsəj, aki-l-at   wōl-l-ət.
maybe uncle.old.man-PL-POSS.3PL be-NPST-3PL.S
Maybe, they have uncles (grandparents).
‘Может быть, дедушки и бабушки у них есть’.

(65) Каз. (Орёл 115)

joxi   joxt-əs   imi-leŋke-l   wōl   pox tāj-ət.
homewards come-PST.3SG.S wife-DIM-POSS.3SG be.NPST.3SG.S son have-NPST.3SG
The old man returned home, his wife has his son.
‘Старик домой вернулся, а у жены его сын’.

Некоторое затруднение вызывает пример 66, в котором значение ‘нахождение, существование’, предполагаемые у эзистенциального глагола, трудно установить из контекста:

(66) Приур. соб. (Прекрасный ребёнок: 69)

aš-em aŋk-em ul-m-el ewəlt rupataj-əl siməl u-s.
 father-POSS.1SG mother-POSS.1SG be-PFV.PTCP-3PL from [work]-POSS.3SG few be-PST.3SG.S
 While my father and mother lived, **he had** little **work**. (досл. ‘работа-его было мало’)
 ‘Пока мои родители были живы, у него было мало работы’.

Вполне вероятно, что и в следующих примерах 67—70 исходный бытийно-локативный смысл, кодируемый конструкцией с глаголом бытования, дополнен посессивной семантикой формально выраженной специализированным маркером.

(67) Приур. пол. (Захоронение 5)

nu mǎlaj-əl o-s, äsa pǎn-l-aj-ət.
 [well] what-POSS.3SG be-PST.3SG.S all put-NPST-PASS-3PL
 They put **everything** that **they have**.
 ‘Всё кладётся, что имели’ (досл.: всё, что было [у них?], они положили).

(68) Каз. (Камень Щемпэр 48)

luw kaš-əl wǒl at mǎn-əl!
 3SG desire-POSS.3SG be.NPST.3SG.S PRTC go-NPST.3SG.S
 If **he has a desire**, let him go!
 ‘Хочет — пусть едет!’ (досл. ‘Есть желание-его, пусть едет!’)

(69) Приур. соб. (Лиса 46)

“al tiŋ ǎntam, ጀχ χōti, law-əl, ul.”
 very:much bride:price NEG.EX money how say-NPST.3SG.S be.NPST.3SG.S
 There is no bride-ransom, but **there is money**,” he said.
 ‘Нет выкупа, но есть деньги’.

(70) Каз. тег. (Сын Царевича 99)

sɔrñe-ŋ luojət ki wuo-s aŋke-m elti ki xǎs-ili-j-əs molxa mǎ-t-en atəm.
 gold-ADJ ring if be-PST.3SG.S mother-POSS.1SG from if remain-DER.IPFV-EP-PST.3SG earlier give-IPFV.PTCP-2SG bad
 If you **had** the **ring** from my mother remained, why didn’t you give it earlier?
 ‘Если **имелось** золотое **кольцо**, от матери оставшееся, почему раньше не отдала?’

3.2.2. Нетранзитивная конструкция с послелогом *χōša*

Исследование корпуса текстов на приуральском и казымском диалектах позволило выявить конструкцию с бытийным глаголом, которая структурно соответствует всем критериям локативной предикативной стратегии по классификации Л. Стассена [Stassen 2009]. В ней обладатель используется в составе конструкции с пространственным послелогом *χōša*. Послелог *χōša* со значением русского предлога «у» следует за обладателем. Обладаемое согласуется с эзистенциональным предикатом.

Конструкция с послелогом *χōša* и бытийным глаголом может быть представлена схемой:

Модель 4. Нетранзитивная конструкция с послелогом *χōša*
 PR *χōša* — PD — *ul-/ol-/wō(l)-*^{S.PM}

Описываемая конструкция привлекла наше внимание не только идентичностью своей структуры с посессивной локативной конструкцией, но и содержанием предложений, в котором отображается посессивное значение. Тем не менее, анализ комментирования данных высказываний информантам показал, что данная конструкция не мыслится носителями языка как посессивная. Предложения с послелогом *χōša* и бытийным глаголом следует рассматривать как бытийные/локативные, в которых реализуются такие значения глагола ‘быть’ как ‘существовать, находиться, жить’ [ДСХЯ 2011: 130].

В примерах 71—72 приведены предложения из корпусов текстов на хантыйских диалектах. В переводах этих предложений на русский язык приведена интерпретация значения предложения носителем казымского диалекта, которая указана в скобках.

(71) Приур. соб. (Семь ножей 15)

ma, law-əl, uš-l-em, năj mōla-ji jōχət-s-ən tūm mōsa jiŋk-ət-na, tūm mōsa tīw-ət-na ātti ma jaj-l-am xōša ātti lapət kesi ul-l-ət.
 1SG say-NPST.3SG.S find-NPST-SG.1SG 2SG what-TRNS arrive-NPST-2SG.S that what water-PL-LOC, that what land-PL-LOC DET 1SG elder:brother-PL-1SG at DET seven knife be-NPST-3PL.3SG

I know what you have come for. At these brooks, at these lands **my brothers have seven knives.**

‘Я знаю, зачем ты пришёл. У этих ручьёв, на этих землях у моих **братьев** семь **ножей** есть (находится). У моих братьев было семь ножей’.

(72) Каз. (Deer 12)

in ma xoš-am-a sí wōl kāt wuli... lətot xčləm-tišir-n isa āntōm.
 now 1SG at-POSS.1SG-DAT FOC be.NPST.3SG.S two deer... food get-IPFV.PTCP opportunity-POSS.2/3DU always NEG.EX

I have two such deer...they have no opportunity to get food.

‘У меня сейчас есть два таких оленя (у меня сейчас живёт два таких оленя), они все на одном месте стоят, пищу достать они не могут’.

Ещё несколько примеров (73—76), иллюстрирующих непосессивное значение данной модели, были получены при работе с информантом.

(73) Каз. (Полевые записи 2017)

jaj-em xōša nāwrem-et.
 brother-POSS.1SG at child-PL

My brother has children.

‘У брата дети (у брата чьи-то дети находятся)’.

Согласно мнению носителя языка И. М. Молдановой, данная конструкция не передаёт идею о том, что это родные дети брата. Данное предложения понимается, как описание ситуации, в которой у брата находятся чужие дети.

(74) Каз. (Полевые записи 2018)

măttîrn, sōn xōša tīχəl wōl-m-at.
 [it] happens birch-bark.dish at nest be-PFV.PTCP-3SG

A birch-bark dish turns out to have been a nest.

‘Оказывается, в берестяной посуде гнездо было’.

(75) Каз. (Полевые записи 2018)

ma lajm-əm jaj-əm xōša lupas-ən wōl.
 1SG axe-POSS.1SG elder:brother-POSS.1SG at shed-LOC be.NPST.3SG.S

My elder brother has my axe in his shed.

‘Мой топор у старшего брата в лабазе есть (находится)’.

(76) Каз. (Полевые записи 2018)

pōχ-əm jaj-əm xōša wōl.
 son-POSS.1SG elder:brother-POSS.1SG at be.NPST.3SG.S

My son lives with his brother.

‘Мой сын у старшего брата живет’.

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что конструкции с экзистенциональным глаголом реализуют главным образом базовую бытийную/локативную семантику. В нетранзитивной адноминальной конструкции кодирование посессивности сосредоточено в именной фразе и репрезентировано индексацией обладаемого, а глагол бытования указывает на наличие такого рода посессивности. Нетранзитивная конструкция с пространственным послелогом *χōša* и бытийным глаголом используется для указания на нахождение или существование объектов, поэтому она не может рассматриваться как стратегия репрезентации посессивности. В целом можно заключить, что в исследуемых диалектах нетранзитивная стратегия не действована при кодировании посессивности.

4. Отрицание посессивности в приуральском и казымском диалектах

В приуральском и казымском диалектах хантыского языка отрицание посессивности в транзитивной и в нетранзитивной конструкциях отличается, но стратегии отрицания посессивности не включают в

себя никакого нового элемента, который бы не использовался в конструкциях с отрицанием непосессивных отношений. Типичная для хантыйского языка транзитивная стратегия кодирования посессивности использует «стандартное отрицание» (термин — [Payne 1985]). В нетранзитивной конструкции используется специальный отрицательный бытийный глагол. На этом основании можно говорить о стратегиях «стандартного» и «специального» отрицания посессивности в исследуемых диалектах.

4.1. Отрицание посессивности в транзитивной стратегии

Отрицание посессивности в транзитивной предикативной стратегии характеризуется как стандартное «синтаксическое» (термин — [Dahl 1979]), в котором стандартным маркером отрицания выступает частица приур. соб. *än*, пол. *än* ‘не’ [Николаева 1995: 162], каз. *än*, *χöп* [ХСР 2006: 297; Соловар, Нахрacheva, Шиянова 2016: 147]. В виде схемы отрицание посессивности в транзитивной стратегии выглядит следующим образом:

Модель 5. Отрицание посессивности в транзитивной стратегии
(PR) — PD — *än/än* — *täj-/täj-*^{S.PM}

Утвердительная конструкция транзитивной стратегии посессивности структурно симметрична соответствующей отрицательной конструкции, за исключением наличия отрицательного маркера *än(t)/än(t)*. Примеры 77—78 иллюстрируют «стандартное отрицание» транзитивной стратегии с маркером *än*.

(77) Приур. соб. (Прекрасный ребёнок 59)

ma än täj-ili-s-əm   *pa näj χälsa*   *wü-l-en?*
1SG NEG have-DER.IPFV-PST-1SG.S and 2SG from:where take-PST-2SG.S
I had none. Where did you get it from?
‘Я ничего не имел, и откуда ты это взял?’

(78) Каз. (Русская кукла 6)

xänti akañ-iye-w   *jɔš kör än täj-əl.*   *ñul sem än täj-əl.*
Khanty doll-DIM-POSS.1PL arm leg NEG have-NPST.3SG.S nose eye NEG have-NPST.3SG.S
The Khanty doll doesn’t have arms and legs, a nose and eyes.
‘У хантыйской куклы нет рук, ног, носа, глаз’.

В примере 78 из казымского диалекта маркером отрицания выступает частица *χöп*:

(79) Каз. (Орёл 113)

ma pöх xöп täj-l-əm   *jastə-l-əm*   *mä-ti.*
1SG son NEG have-NPST-1SG.S say-NPST-1SG.S give-IPFV.PTCP
I have no son, I promise to give him away.
‘У меня же нет сына, пообещаю отдать’.

4.2. Отрицание посессивности в нетранзитивных конструкциях

Факт отрицания в нетранзитивных конструкциях выражается специальным отрицательным предикативным бытийным глаголом приур. соб. *äntam*, пол. *äntam*, каз. *äntöm*. Обладаемое в отрицательной адноминальной посессивной конструкции, как и в утвердительной, всегда маркировано посессивными суффиксами, которые и выражают посессивность в конструкции с глаголом ‘быть’. Схема данной стратегии может быть представлена как:

Модель 6. Отрицание посессивности в нетранзитивной конструкции
PR — PD^{POSS} — *äntam/äntam/äntöm*

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие данную конструкцию.

(80) Приур. пол. (Ку-ку 13)

kimət jik-əl läw-l: *“mä mil-am äntam”.*
two.ORD boy-POSS.3SG say-PST.3SG.S 1SG hat-POSS.1SG NEG.EX
The second son says: “I have no hat.”
‘Второй сын говорит: «У меня нет шапки» (досл.: моей шапки нет)’.

(81) Приур. соб. (Лиса 14)

pa sí kūs kim pit-t̥i lit-l-aj-əm lulən pa
 and DET behind out fall-IPFV.PTCP want-NPST-PASS-1SG COND and
kim pit-t̥i śir-em āntam.
 out fall-IPFV.PTCP strength-POSS.1SG NEG.EX
 I'd like to come out, but I **don't have the strength** to come out.
 'Я бы хотела выйти, но у меня нет сил'.

В примерах 82—85 отрицательный бытийный глагол, согласуясь с объектом, принимает форму множественного числа.

(82) Приур. соб. (Ку-ку 12)

wul jik-əl lāw-əl: "mā wāj-l-am āntam-ət".
 big boy-POSS.3SG say-PST.3SG.S 1SG boot-PL-POSS.1SG NEG.EX-PL
 The eldest son said: "I **have no shoes.**"
 'Старший сын сказал: «У меня нет обуви»' (досл.: **моей обуви нет**).

(83) Каз. (Женщина с детьми, оставленная в пустом стойбище 81)

joxt-əs pa sí in ńawrem-l-əl āntəm-ət.
 come-PST PRTC FOC now child-PL-POSS.3SG NEG.EX-PL
 He came but his children are nowhere.
 'Приехал он, а детей-то уже нет'.

(84) Каз. (Полевые записи: 2018)

myj mil-l-əw āntəm-ət.
 1PL hat-PL-POSS.1PL NEG.EX-PL
 We **don't have hats.**
 'У нас нет шапок' (досл.: **Наших шапок нет**).

(85) Каз. (Полевые записи: 2018)

liw letot-l-əl āntəm-ət.
 3PL food-PL-POSS.3PL NEG.EX-PL
 They **don't have food.**
 'У них нет еды' (досл.: **Их еды нет**).

В предложениях, относящихся к прошлому, отрицательный бытийный глагол может употребляться в сочетании с глаголом-связкой приур. *u(l)/o(l)t̥i*, каз. *wō(l)t̥i* в форме прошедшего времени. Конструкция может дополняться времененным маркером прошедшего времени *jisən* 'в древние времена', *kātra* 'давно', *χōn* 'когда'. Данное наблюдение проиллюстрировано в примерах 86—87:

(86) Каз. (Культ медведя, Медвежий праздник 8)

xo:n poškan antə:m þo:s mɔ:jrər þoxətijə-l-ət ka:rt-aj tij-əp nɔ:l-ət-ən.
 when gun NEG.EX be.PST.3SG bear win.a.bear-PRS-3PL.S iron-ADJ.PRPR tip-ADJ.PRPR arrow-PL-LOC
 When **there were no guns** yet, they killed the bear with iron-tipped arrows.
 'Когда **ружей** ещё **не было**, они убивали медведя стрелами с железными наконечниками'.

(87) Каз. (Полевые записи 2018)

myj mil-l-əw āntəm-ət wō-s.
 1PL hat-PL-POSS.1PL NEG.EX-PL NEG.EX-PST.3SG
 We **didn't have hats.**
 'У нас **шапок не было**'.

В структуре «стандартного» отрицания и специального отрицания обеих стратегий может определяться второй маркер отрицания — идентичный по полярности элемент, — в качестве которого выступает класс отрицательных местоимений: приур. соб./пол. *nemōsa/nemāsa* 'ничто', *neməltət/nemətit* 'никто' [Николаева 1995: 107], каз. *neməlxojat* 'никто' или *neməlt* 'ничто' [ДСХЯ 2011: 86; Соловар 2016: 103]. Двойное отрицание в рамках стратегии «стандартного отрицания», не ведущее к утверждению, характерно для уральских языков, в которых второй полярный элемент появляется в предложениях, уже отмеченных отрицательной частицей [Wagner-Nagy 2011: 26].

(88) Приур. соб. (Прекрасный ребёнок 13)

śiti ul-li-l-əjən, neməsa ān tāj-l-əjən, χүj-ti lət ān tāj-l-əjən,
 so be-DER.IPFV-NPST-3DUS nothing NEG have-NPST-3DUS sleep-IPFV.PTCP place NEG have-NPST-3DUS

neməsa ān tāj-l-əjən, śiti xōtaś təjxa ul-l-əjən.
 nothing NEG have-NPST-3DU so how DET live-NPST-3DUS

As they lived, they had nothing, they had no place to sleep, they had nothing, they just lived.

‘Они так живут, у них ничего нет, негде спать, так и живут’.

(89) Каз. (О царе, обезжающем миры: 17)

śi xul neməlt wuort ānt pa tāj-əl.
 this fish no flavor NEG PRTC have-NPST.3SG.S

This fish has no taste.

‘Эта рыба оказалась безвкусной’.

(90) Каз. (Полевые записи: 2018)

nemxijat mis an tāj-əl.
 nobody cow NEG have-NPST.3SG.S

Nobody has a cow.

‘Никто не имеет корову’.

(91) Приур. соб (Лиса 24)

neməsa mis tāj-ti sij-əm āntam.

nothing illness have-IPFV.PTCP noise-POSS.1SG NEG.EX

I have no illness at all.

‘Не болею (не слышу / не чувствую болезнь)’.

Итак, отрицание посессивности в приуральском и казымском диалектах осуществляется в рамках стратегий отрицания, используемых в языке в целом: а) «стандартное» отрицание, для выражения которого используется отрицательная частица, и б) «специальное» отрицание с отрицательным бытийным глаголом.

5. Заключение

Опираясь на результаты проведённого исследования, можно заключить, что:

- 1) в приуральском и казымском диалектах хантыйского языка кодирование предикативной посессивности реализуется посредством транзитивной стратегии;
- 2) транзитивная стратегия кодирования посессивности наиболее распространена в исследуемых диалектах (166 случаев на 5181 предложение). Использование транзитивной стратегии наблюдается для кодирования всех концептуальных составляющих посессивности: отчуждаемой, неотчуждаемой, абстрактной, временной и неодушевлённой посессивности. Транзитивная стратегия основывается на двухвалентном глаголе соб. *tājti*, пол. *tājti*, каз. *tājtı* ‘иметь’, который сохраняет своё посессивное значение во всех финитных и нефинитных формах за исключением форм объектного спряжения и пассивного залога. Валентность глагола *tājti/tājtı* предполагает наличие обладателя и обладаемого, которые могут быть выражены любой сущностью в том числе и неодушевлённой;
- 3) глагол *tājti/tājtı* в исследуемых диалектах обладает богатым семантическим потенциалом. Помимо посессивного глагол *tājti/tājtı* позволяет передать значения ‘хранить, держать, находиться, рожать, воспитывать, принимать в качестве кого-либо или чего либо, использовать, относиться, носить, думать, использовать, понимать, думать, не уметь’ и др. Значение, выражаемое глаголом *tājti/tājtı*, зависит как от грамматической формы, в которой он употребляется, так и от семантики окружающих его слов. Значение ‘держать, хранить’ глагола *tājti/tājtı* реализуется во всех его грамматических формах. Глагол *tājti/tājtı* в форме объектного спряжения или пассивного залога в контактном сочетании с другим глаголом в форме деепричастия с суффиксом *-tan* грамматикализуется, утрачивая одно из своих значений ‘хранить, держать’;
- 4) наличие нетранзитивной стратегии кодирования посессивности в исследуемых диалектах языковыми данными не подкрепляется. В предложениях с двусоюзным глаголом приур.соб. *ulti*, пол. *olta*, каз. *wolti* ‘быть’ встречается адноминальная посессивная конструкция. Адноминальная конструкция основывается на предложениях бытийной/локативной семантики и приобретает значе-

ние посессивности благодаря индексации обладаемого посессивными суффиксами в именной части предложения. Частотность употребления данной конструкции для кодирования посессивности составляет 18 случаев на 5181 предложение. Нетранзитивная конструкция с послелогом *χö́sa*, которая структурно соответствует всем критериям посессивной локативной предикативной стратегии, для кодирования посессивности не используется;

5) отрицание посессивности подчиняется общим правилам построения отрицания в исследуемых диалектах. В транзитивной стратегии используется «стандартное синтаксическое» отрицание, маркером которого выступает отрицательная частица приур. соб. *än*, пол. *än*, каз. *än*, *χöp*. Для конструкции с глаголом приур. *ułtő/ołta*, каз. *wöltő* ‘быть’ характерно «специальное» отрицание, которое выражается отрицательным предикативным бытийным глаголом приур. соб. *äntam*, пол. *äntam*, каз. *äntöm*. В обеих конструкциях при отрицании может употребляться идентичный по полярности элемент — отрицательные местоимения: приур. соб., пол. *nemösa/nemäsa* ‘ничто’, *neməltət/nemətət* ‘никто’, каз. *neməlxojat* ‘никто’ или *neməlt* ‘ничто’.

Благодарность рецензентам

Мы искренне благодарны двум анонимным рецензентам за очень ценные замечания и комментарии к рукописи статьи, благодаря которым статья была значительно усовершенствована.

Сокращения

Общие

1 — первое лицо	IPFV.PTCP — имперфективное причастие
2 — второе лицо	LOC — суффикс местного падежа
3 — третье лицо	N — существительное
ADJ — адъективайзер	NEG — отрицательная частица
APPRX — аппроксимация	NEG.EX — отрицательный экзистенциональный глагол
CAR — суффикс каритатива	NMLZ — номинализер
COM — суффикс комитатива	NP — именная фраза
COND — условное наклонение	NPST — непрошедшее время
CVB — деепричастие	O — субъектно-объектное спряжение
DEM — указательное местоимение	ORD — порядковое числительное
DER — деривационный суффикс	PASS — пассивный залог
DET — детерминатив	PFV.PTCP — перфективное причастие
DIM — диминутив	PL — множественное число
DU — двойственное число	PM — личные маркеры
EP — эпентеза	POSS — посессивный суффикс
FOC — фокус	PRPR — проприативный (комитативный) суффикс
FREQ — суффикс фреквентива	PRTC — частица
IMP — повелительное наклонение	PST — прошедшее время
INCH — суффикс инхоатива	S — субъектное спряжение
INF — инфинитив	SG — единственное число
INTJ — междометие	TRNS — суффикс превратительного падежа
IPFV — суффикс имперфектива	VBLZ — вербалайзер

Языки и диалекты

vas. —	васюганский восточный диалект хантыйского языка
вах. —	ваховский восточный диалект хантыйского языка
каз. —	казымский северный диалект хантыйского языка
конд. —	кондинский южный диалект хантыйского языка
пол. —	усть-полуйский говор приуральского диалекта
приур. —	приуральский (обдорский) северный диалект хантыйского языка
соб. —	усть-собский говор приуральского диалекта
сург. —	сургутский восточный диалект хантыйского языка

тег. — тегинский говор казымского диалекта
 шер — шеркальский северный диалект хантыйского языка
 шур. — шурышкарский северный диалект хантыйского языка

Л и т е р а т у р а

Гращенков 2007 — *Гращенков П. В. Типология посессивных конструкций // ВЯ. 2007, 3. С. 25—54.* {*Grashchenkov P.V. Typology of Possessive Constructions // Issues in linguistics. 2007. Vol. 3. P. 25—54.*}

ДСХЯ 2011 — Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / Под ред. Н. Б. Кошкарёвой. Екатеринбург, 2011. {*Dialectological dictionary of the Khanty language (Shuryshkar and Obdorsk dialects) / Ed. Koshkaryova N. B. Ekaterinburg, 2011.*}

Каксин 1989 — *Каксин А. Д. Казымский диалект // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского АО — Югры, 1989.* {*Kakxin A. D. Kazym dialect // Yugoria. Encyclopaedia of Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra, 1989.*}

Каксин 2007 — *Каксин А. Д. Казымский диалект диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2007.* {*Kakxin A. D. Kazym dialect of the Khanty language. Khanty-Mansiysk, 2007.*}

Кибрик 2000 — *Кибрик А. Е. Внешний посессор как результат расщепления валентностей // Слово в тексте и словаре. К 70-летию Ю. Д. Апресяна. М., 2000.* {*Kibrik A. E. External possessor as a result of valence splitting // Word in text and dictionary. For the 70th birthday of Yu. D. Apresyan.*}

Кибрик 2003 — *Кибрик А. Е. Внешний посессор в русском языке // Константы и переменные языка. СПб., 2003.* {*External possessor in the Russian language // Constants and variables of language.*}

Кибрик 2006 et al. — *Кибрик А. Е., Брыкина М. М., Леонтьев А. П., Хитров А. Н. Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкоизнания. 2006, 1. С. 16—45.* {*Kibrik A. E., Brykina M. M., Leontyev A. P., Khitrov A. N. Russian possessive constructions in the light of a statistical corpus research // Issues in Linguistics. 2006. Vol. 1. P. 16—45.*}

Ковган, Кошкарёва, Соловар 1995 — *Ковган Е. В., Кошкарёва Н. Б., Соловар В. Н. Сказки народа ханты. Книга для чтения в младших и старших классах (казымский диалект).* СПб, 1995. {*Kovgan E. V., Koshkaryova N. B., Solovar V. N. Khanty folk tales. Reading book for elementary and high school (Kazym dialect).* SPb, 1995.}

Кошкарёва, Кашкин et al. 2017 — *Кошкарёва Н. Б., Кашкин Е., Коряков Ю. Б., Казакевич О. А., Буркова С. И., Муравьев Н. А., Будянская Е. М. Диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа / Под ред. Н. Б. Кошкарёвой.* Калининград, 2017. {*Koshkaryova N. B., Kashkin E., Koryakov Yu. B., Kazakevich O. A., Burkova S. I., Muravyev N. A., Budyanskaya E. M. Dialectological atlas of the Uralic languages situated at the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug territory. / Ed. N. B. Koshkaryova.* Kaliningrad, 2017.}

Кошкарёва 2005 — *Кошкарёва Н. Б. Синтаксические средства выражения пространственных отношений: на материале уральских и тунгусо-маньчжурских языков Сибири / Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири (коллективная монография).* Новосибирск, 2005. {*Koshkaryova N. B. Syntactic means of expressing spatial relationships: based on Uralic and Manchu-Tungus languages of Siberia / Ways of forming the linguistic landscape of Siberia (a collective monograph).* Novosibirsk, 2005.}

Кошкарёва, Соловар 2007 — *Кошкарёва Н. Б., Соловар В. Н. Увты муй ўвты: курс практической фонетики хантыйского языка (казымский диалект).* Новосибирск, 2007. {*Koshkaryova N. B., Solovar V. N. Увты муй ўвты: A course of practical phonetics of Khanty (Kazym dialect).* Novosibirsk, 2007.}

Лапина 2011 — *Лапина М. А. Сказки-рассказы тегинских людей. Ханты-Мансийск, 2011.* {*Lapina M. A. Fairy-tales and stories of Tegin people.* Khanty-Mansiysk, 2011.}

Милованова 2007 — *Милованова М. В. Понятие посессивности: проблемы определения и структуры // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2, 2007. Вып. 6. С. 95—102.* {*Milovanova M. V. Concept of possession: problems of definition and structure // Volgograd State University Bulletin. Series 2, 2007. Vol. 6. P. 95—102.*}

Могутаев 1996 — *Могутаев М. К. Хантыско-русский словарь (васюганский диалект).* Томск, 1996. {*Mogutaev M. K. Khanty-Russian dictionary (Vasyugan dialect).* Tomsk, 1996.}

Нёмысова, Рачинская 2002 — *Нёмысова Е. А., Рачинская М. А. Пушкин А. С. Сказки, СПб, 2002.* {*Njomysova E. A., Rachinskaja M. A. Pushkin A. S. Skazki, SPb, 2002.*}

Николаева 1995 — *Николаева И. А. Обдорский диалект хантыйского языка.* Москва, Гамбург, 1995. {*Nikolayeva I. A. Obdorsk dialect of the Khanty language.* Moscow, Hamburg, 1995.}

Полякова, Воробьева 2016 — *Полякова Н. В., Воробьёва В. В. Предикативные средства выражения посессивности в диалектах селькупского языка // Сборник научных трудов XVI Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические традиции и инновации».* Томск, 2016. С. 212—215. {*Polyakova N. V., Vorobeva V. V. Predicative means of expressing possession in Selkup dialects // Collection of Scientific Works of the 16th*

International Scientific and Practical Conference “Linguistic and Cultural Traditions and Innovations”. Tomsk, 2016. P. 212—215.}

Соловар 2007 — *Соловар В. Н.* Глаголы с семантикой обладания, приобретения и формируемые ими модели элементарных простых предложений в хантыйском языке // Актуальные проблемы разработки учебно-методических комплексов по хантыйскому и мансийскому языкам, литературе и культуре: материалы окружной научно-практической конференции. Ханты-Мансийск, 2007. С. 79—84. {*Solovar V. N.* Verbs with semantics of possession and obtaining and the models of elementary simple clauses they form in the Khanty language // Topical problems of developing training and methodology complexes on Khanty and Mansi languages, literature and culture: materials from the regional scientific-practical conference. Khanty-Mansiysk, 2007.}

Соловар 2009 — *Соловар В. Н.* Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Новосибирск, 2009. {*Solovar V. N.* Simple clause paradigm in Khanty (based on the Kazym dialect). Novosibirsk, 2009.}

Соловар, Нахрачева, Шиянова 2016 — *Соловар В. Н., Нахрачева Г. Л., Шиянова А. А.* Диалекты хантыйского языка. Ханты-Мансийск, Ижевск, 2016. {*Solovar V. N., Nakhraчева G. L., Shiyanova A. A.* Dialects of Khanty. Khanty-Mansiysk, Izhevsk, 2016.}

Успенская 2002 — *Успенская С. С.* Касум мув моньщат-путрат. Сказки-рассказы Земли Казымской. Томск, 2002. {*Uspenskaja S. S.* Fairytales and stories of the Kazym land. Tomsk, 2002.}

Фильченко, Потанина 2016 — *Фильченко А. Ю. Потанина О. С.* Предикативная посессивность в восточных диалектах хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016, 4. С. 60—72. {*Filchenko A. Yu., Potanina O. S.* Predicative possession in Eastern dialects of Khanty // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2016. Vol. 4. P. 60—72.}

XPC 2006 — *Соловар В. Н.* Хантыйско-русский словарь. Санкт-Петербург, 2006. {*Solovar V. N.* Khanty-Russian dictionary. Saint-Petersburg, 2006.}

Baron, Herslund 2001 — *Baron I., Herslund M.* Semantics of the verb HAVE. Dimensions of Possession. / Eds. *Baron I. et al.* Amsterdam, 2001. P. 85—98.

Budzisch 2015 — *Budzisch Jo.* Possession in Southern Selkup // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2015. Vol. 4. P. 45—50.

Budzisch 2017 — *Budzisch Jo.* On the non-possessive use of possessive suffixes in Central and Southern Selkup // Ural-Altaic Studies (Scientific Journal). 2017. Vol. 2. P. 58—66.

Clark 1978 — *Clark E. V.* Locationals: existential, locative, and possessive constructions. /Eds. *Greenberg J. H. et al.* Syntax. Stanford, 1978. P. 85—126.

Dahl 1979 — *Dahl O.* Typology of sentence negation // Linguistics. 1979. Vol. 17. P. 79—106.

DEWOS 1966—1993 — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache 1—15. Berlin, 1966—1993.

Heine 1997 — *Heine B.* Possession. Cognitive Sources, Forces and Grammaticalization. Cambridge Studies in Linguistics, 83. 1997.

Honti 2006 — *Honti L.* On the Historical Background of Habitual and Izafet Constructions in Hungarian // Acta Linguistica Hungarica, Vol. 53 (1), P. 41—51.

Honti 2008a — *Honti L.* 'HABERE' «по-уральски» // Linguistica Uralica XLIV, 3. P. 161—177.

Honti 2008b — *Honti L.* 'TIBI LIBER EST' ~ 'HABES LIBRUM' // Studies in Slavic and General Linguistics / Evidences and Counter-Evidence, Festschrift Frederik Kortlandt. Amsterdam, New York. 2008. Vol 1. P. 229—246.

Honti 2013 — *Honti L.* Seinsverben und Kopulae im Uralischen // Linguistica Uralica XLIX 2013, 4. P. 241—272.

Kangasmaa-Minn 1984 — *Kangasmaa-Minn Eeva.* On the Possessive Construction in Finno-Ugric. Nyelvtudományi Közlemények. 1984. Vol. 1, 86. P. 118—123.

Koptjevskaja-Tamm 2001 — *Koptjevskaja-Tamm M.* Adnominal Possession / Language Typology and Language Universals. 2001. Vol. 2. P. 960—970.

Koptjevskaja-Tamm 2002 — *Koptjevskaja-Tamm M.* Adnominal Possession in the European Languages: Form and Function / Sprachtypologie und Universalienforschung (STUF). 2002. Vol. 55, 2. P. 141—172.

Koptjevskaja-Tamm 2003 — *Koptjevskaja-Tamm M.* Possessive Noun Phrases in the Languages of Europe. Noun Phrase Structure in the Languages of Europe. Berlin, New York, 2003. P. 621—722.

Koptjevskaja-Tamm 2006 — *Koptjevskaja-Tamm M.* Possession, Adnominal. 2006. P. 765—769.

Kowalik 2016 — *Kowalik R.* Predicative possession in South Saami. Stockholm University, Faculty of Humanities, Department of Linguistics. Independent thesis Advanced level (degree of Master (Two Years)), 2016.

LMUM 2018 — Ludwig Maximilians Universität München // http://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/index.php?abfrage=KK_corpus&subnavi=corpus_pub, 2018.

Nikolaeva 1999a — *Nikolaeva I. A.* Ostyak. München, 1999.

Nikolaeva 1999b — *Nikolaeva I. A. Ostyak texts in the Oborsk dialect. Studia Uralica. 1999. Band 9.*

OSF 2018 — Open Science Framework // <https://osf.io/uraqx/files/>, 2018.

Paasonen 1980 — *Paasonen H., Vértes E. Südostjakische Textsammlungen II. Helsinki, 1980.*

Payne 1985 — *Payne J. Negation // Language typology and syntactic description. Vol. I. Clause structure / Ed. Shopen T. Cambridge, 1985. P. 197—242.*

Payne, Barshi 1999 — *Payne D. L., Barshi L. External Possession: What, Where, How, and Why. External Possession, Amsterdam. 1999. P. 3—29.*

Seiler 1983 — *Seiler H. Possession as an operational dimension of language. Tübingen, 1983.*

Skribnik, Koshkaryova 1996 — *Skribnik E., Koshkaryova N. Shamanism and Northern Ecology. Berlin, New York, 1996. P. 207—217.*

Stassen 2009 — *Stassen L. Predicative Possession. Oxford University Press, 2009.*

Stassen 2013 — *Stassen L. Predicative Possession. The World Atlas of Language Structures Online. / Ed. Dryer, M. S., Haspelmath, M. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Electronic publication available at <http://wals.info/chapter/117>*

Taylor 1989 — *Taylor J. R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory, 1989.*

TELCS 2018 — *The Endangered Languages and Cultures of Siberia // <http://larkpie.net/siberianlanguages/northern-khanty>, 2018.*

Vorobeva, Novitskaja 2018a — *Vorobeva V., Novitskaja I. Possessive Constructions in the Oborsk Dialect of the Khanty Language // Linguistica Uralica. 2018. Vol. 54, 2. P. 129—150.*

Vorobeva, Novitskaja 2018b — *Vorobeva V., Novitskaja I. The domain of predicative possession in Kazym and Tegi. 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018. [Online]. 5 (3). P. 469—476. Available: <https://sgemworld.at/ssgemlib/spip.php?article5572&lang=en>*

Vorobeva, Novitskaja et al. 2017 — *Vorobeva V., Novitskaja, I., Girfanova, K., Vesnin, V. Adnominal Possessive Constructions in Narym, Vasjugan and Middle-Ob Dialects of Selkup // Linguistica Uralica. 2017. Vol. 53, 1. P. 54—64.*

Wagner-Nagy 2011 — *Wagner-Nagy B. On the Typology of Negation in Ob-Ugric and Samoyedic Languages. Helsinki, 2011.*

РЕЗЮМЕ

В статье представлен анализ стратегий выражения предикативных посессивных отношений, выявленных в корпусе текстов (62 текстов, 5181 предложение) на приуральском (обдорском) и казымском диалектах хантыйского языка. Наиболее распространенной в исследуемых диалектах является транзитивная стратегия кодирования предикативных посессивных отношений на базе глагола соб. *täjti*, пол. *täjti*, каз. *täjti* ‘иметь’, которая используется для выражения отчуждаемого, неотчуждаемого, абстрактного, физического и неодушевлённого обладания. В формах объектного спряжения и пассивного залога значение посессивности у глагола обладания утрачивается. Нетранзитивная стратегия может быть представлена конструкцией с двусоюзным глаголом соб. *u(l)tii*, пол. *o(l)tii*, каз. *wö(l)tii* ‘быть/жить’, которая определена как адноминальная посессивная конструкция. В адноминальной конструкции отношения обладания устанавливаются посредством посессивных маркеров, индексирующих обладаемое. Отрицание посессивности в транзитивной и в нетранзитивной конструкциях отличаются: в транзитивной предикативной стратегии используется «стандартное синтаксическое отрицание», маркируемое частицей соб. *än*, пол. *än*, каз. *än*, *χöñ* ‘не’; факт отрицания адноминальной посессивной конструкции выражается специальным отрицательным предикативным бытийным глаголом соб. *äntam*, пол. *äntam*, каз. *äntöm*. В обеих стратегиях допустимо двойное отрицание.

SUMMARY

The article presents research findings resulting from an analysis of the strategies used to encode predicative possessive relations which were identified in a corpus of texts (62 texts, 5181 sentences) in the Priural (Oborsk) and Kazym dialects of Khanty language. The most common strategy of encoding predicative possession in Priural (Oborsk) and Kazym dialects is a transitive one based on the verb sob. *täjti*, pol. *täjti*, kaz. *täjti* ‘to have’, which is used to express the main conceptual features of possession (abstract, physical/temporal, alienable, inalienable, inanimate). An intransitive strategy can be represented by the construction that is based on the locative/existential sentence with the verb sob. *u(l)tii*, pol. *o(l)tii*, kaz. *wö(l)tii* ‘to be’. Following L. Stassen, it is defined as an adnominal possessive construction wherein the possession is indexed on the possessed. Negative possession is encoded differently in the transitive and intransitive strategies. While the “standard” syntactical negation, expressed by the negative particle sob. *än*, pol. *än*, kaz. *än*, *χöñ* ‘no,

not', is used in the transitive strategy, a special negative existential verb — sob. *ăntam*, pol. *äntam*, kaz. *ăntōm* "not to be" — is common in negative intransitive constructions.

Ключевые слова: хантыйский язык, приуральский (обдорский диалект), казымский предикативная посессивность, habeo-глагол

Keywords: Khanty language, Priural (Obdorsk) dialect, Kazym dialect, predicative possession, habeo-verb

Воробьева Виктория Владимировна, Томский государственный университет, Томский политехнический университет, Институт языкоznания РАН; victoriavorobeva@mail.ru

Victoria V. Vorobeva, Tomsk State University, Tomsk Polytechnic University, Institute of linguistics, RAS; victoriavorobeva@mail.ru

Новицкая Ирина Владимировна, Томский государственный университет; irno2012@yandex.ru

Irina V. Novitskaya, Tomsk State University; irno2012@yandex.ru